

Sol Leesu

СОЗДАТЕЛЬ ЗЛОДЕЙКИ

Новелла

МИОО

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА I	12
ГЛАВА II	38
ГЛАВА III	80
ГЛАВА IV	172
ГЛАВА V	302
ГЛАВА VI. ЧАСТЬ I	362

ПРОЛОГ

Айла постоянно задавала себе один и тот же вопрос: «Чем же я так отличаюсь от Шарлотты?»

Но она ни за что не осмелилась бы произнести эти слова вслух. Ведь они, очевидно, вызовут лишь насмешки окружающих.

Айла Мертензия.

Все видели в ней злодейку, достойную только осуждения. Большинству людей она казалась прямо-таки олицетворением зла, в то время как от Шарлотты, этого ангела во плоти, все были без ума. Рассуждать о сходствах Айлы и Шарлотты — все равно что сравнивать ведьму со святой.

Но когда все зашло так далеко, Айле не оставалось ничего иного, кроме как вновь вернуться к этому вопросу.

«Почему же Шарлотту все любят и утешают, а мне суждено умереть в муках? Чем мы так сильно отличаемся?»

— Зачем ты это сделала?

Айла стояла на коленях, и Вернер приподнял ее подбородок острием меча. Она заморгала, пытаясь сфокусировать взгляд, который все сильнее затуманивался. По лицу ее текли слезы, смешанные с кровью.

— Если я скажу, что это была не я... разве вы мне поверите? — Голос Айлы звучал хрипло и надломленно, от прежней ясности в нем не осталось и следа. Что было неудивительно, ведь долгие пытки сопровождались криками.

Но Вернер и не пытался ее слушать — он даже не моргнул.

— Я повторю вопрос. Зачем ты это сделала?

Айла встретила с ним взглядом. Его ярко-синие глаза пылали яростью, готовой выплеснуться в любой момент. Казалось, он сдерживал себя из последних сил, чтобы не разорвать ее прямо здесь.

На губах Айлы появилась едва заметная улыбка: «Мой господин и правда очень милостив».

Вернер Карл Мохамед Лете.

Ему пожаловали титул наследного принца сразу после рождения. Юношу воспитали стойким и сильным духом. Он прекрасно умел скрывать свою холодную, расчетливую натуру и без колебаний мог сыграть роль обаятельного весельчака.

Заставить его проявить эмоции или потерять самообладание могла лишь Шарлотта и все, что с ней связано.

Именно это сейчас и происходило.

Айла медленно повернула голову в сторону, где находилась Шарлотта. Лезвие меча, до этого лишь касавшееся шеи, тут же врезалось глубже, слегка поранив кожу. Вернер резко придвинул меч ближе и прорычал, точно хищник, охраняющий свою территорию:

— Не вздумай выкинуть какую-нибудь глупость.

Даже будь Айла и вправду коварной злодейкой, на таком расстоянии она все равно не смогла бы ничего предпринять. Вернер настороженно следил не только за каждым ее движением, но и за взглядом: малейший взор в сторону Шарлотты вызывал в нем ярость.

Айла вновь посмотрела на него и слабо зашевелила губами:

— Мне всегда казалось, что ваши глаза холодны как лед...

— Ха, даже не пытайся запудрить мне мозги! — резко перебил ее Вернер.

— Но, увидев, как вы смотрите на Шарлотту, я поняла... каким теплым и ярким, словно пламя, бывает этот взгляд. И теперь... теперь вы впервые смотрите так на меня. Я счастлива, ваше высочество.

Пламя в его глазах было не страстным, а смертоносным, но Айла думала лишь об одном: Вернер впервые проявил к ней чувства.

— Может, хотя бы так вы будете помнить обо мне, погибшей от ваших рук, — сказала Айла и внезапно рассмеялась.

— Невозможно больше это слушать. Это твой последний шанс, так что ответь на вопрос.

Айла не могла сдержать смех. Казалось глупым, что спрашивает об этом именно он. Зачем подтверждать то, что знают все?

«Почему я это сделала? Потому что люблю его высочество».

— Я готова отдать жизнь, душу, все до последнего ради любви к вам!

— Так вот почему... — пробормотал Вернер, ожидая подобный ответ. — Шарлотта едва не погибла! Из-за тебя, ничтожество!

Он стиснул зубы и вонзил меч в плечо Айлы. Лезвие вошло удивительно легко, кровь хлынула струей.

Все случилось за одно мгновение.

Тело Айлы содрогнулось от боли, зрение помутилось.

В стороне раздался пронзительный визг. Даже пылая яростью из-за Айлы, Вернер все же бросил обеспокоенный взгляд на Шарлотту.

«Боишься, что твоя хрупкая возлюбленная не сможет спать ночами после этого кровавого зрелища? Твоя любовь настолько важна, мою же можно втоптать в грязь?»

Айла усмехнулась сквозь боль, дождалась, пока она немного утихнет, и твердо сказала:

— Это... сделала не я.

Тогда Вернер провернул клинок в ее плече. От острой боли Айла наконец не выдержала и в агонии закричала.

— Я жаждал твоей смерти больше, чем кто-либо, но Шарлотта сказала, что хочет знать причину. Даже выяснив, что ты зачинщица всего этого, она все равно побеспокоилась о тебе. А ты... сидишь здесь и несешь такую чушь... невероятно.

Хоть платье уже полностью пропиталось кровью, Айла продолжала хрипло смеяться. Она перевела взгляд на Шарлотту, дрожащую подле телохранителя.

Шарлотта Анджело.

Хрупкая и невинная, словно стебелек лилии. Встретившись взглядом с Айлой, она вздрогнула и спряталась за спину рыцаря.

Леннокс, телохранитель кронпринца.

Он стоял, словно защищая Шарлотту, а в глазах его виделось отчаяние мужчины, влюбленного безответно. Айла сразу это поняла. Невозможно не заметить взгляда, полного тоски по любви.

Не он один был влюблен в Шарлотту.

Любое существо уже спустя пару мгновений подпадало под ее чары. Даже дикие звери забывали об осторожности и подходили к ней без страха. Шарлотта словно была магнитом для всего живого.

Если же судить по внешности — да, Шарлотта была красива, но не настолько, чтобы превзойти Айлу. Она не обладала знатным происхождением, богатством, не отличалась особым умом или мудростью.

Тогда почему? В чем же разница?

Айла всю жизнь добивалась признания окружающих, но в итоге не получала ни капли. Шарлотте же и пальцем не требовалось шевелить — любовь доставалась ей просто так.

Она пряталась за спинами тех, кто ее любил, ничего не делала и только молчала. Айле безумно хотелось схватить эту невинную овечку и расцарапать ей лицо.

Шарлотта — добрая и слабая, не умеющая ничего, кроме как выжимать жалкие слезы. Она добивалась своего, при этом не марающая рук.

«Неужели ты не можешь жить без помощи других? Не можешь защитить себя сама?»

Иди сюда. Подойди и плюнь мне в лицо. Ведь это наша с тобой битва».

Айла не могла любить Шарлотту. Еще в момент их первой встречи у нее по коже пробежал холодок, будто она встретила смертельного врага.

Сейчас же Айла была чудовищно искалечена. Охваченная решимостью, она сжала клинок, вонзенный в плечо. Собрав последние силы, она подняла глаза на Вернера:

— Я... наложила проклятие.

— Признаешь, что ты ведьма?

— Раз уж я умираю, что мне скрывать?

— Ха...

Вернер счел ее слова бредом потерявшей разум женщины. И по сути, так оно и было.

Последнее желание умирающей злодейки.

«Если бог существует...

Нет, даже дьявол подойдет.

Я продам свою душу. Как бы ее ни использовали — все равно. Пусть даже ее разорвут и поглотят целиком. Если ты слышишь мои слова, то прокляни эту бессердечную и безжалостную тварь».

Вернер сухо произнес приговор:

— Айла Мертензия. Семья Мертензия была полностью уничтожена, и все из-за тебя одной, посему тебе не удастся обрести покой даже после смерти.

— Я... наложила проклятие...

Кровь фонтаном брызнула наружу, когда Вернер выдернул меч из тела Айлы. Клинок рассек ее руку, крепко державшую лезвие. Ее отчаянное сопротивление оказалось совершенно напрасным.

Без малейшего промедления меч тут же вонзился в тело Айлы. Будто желая продлить ее муку, он, подобно змее, медленно входил в сердце.

Как и хотел того Вернер, Айла, корчась от боли, постепенно заваливалась на бок.

Все было кончено.

Ее упрямая жизнь, ее любовь.

— Я наложила... на вас проклятие... чтобы вы любили только меня... — прошептала Айла, голос ее клокотал в горле вместе с кровью.

Услышав эти слова, Вернер на миг распахнул глаза, но затем резко нахмурился.

— Чушь.

Словно избавляясь от грязи, он стряхнул с клинка кровь и, повернувшись, направился к Шарлотте.

Та, едва сдерживая слезы, бросилась навстречу и вцепилась в его одежду дрожащими руками.

— Вернер, ты ведь обещал... что отпустишь ее без страданий. Она ведь была так несчастна...

— Это наибольшая милость, какую я мог ей даровать.

— Но!..

— Шарлотта. Это не то, о чем тебе стоит тревожиться. Я сказал, что сам со всем разберусь. Ты дрожишь словно осиновый лист, но все равно переживаешь за эту ведьму?

Вернер обнял Шарлотту за плечи и увел ее прочь. Леннокс последовал за ними.

Покинутая подземная темница погрузилась в тишину. Искра жизни Айлы медленно угасала.

Но в последние мгновения она отчаянно молила, чтобы ее конец стал началом чего-то нового.

— Ты все равно будешь любить меня... — на последнем издыхании прошептала она.

* * *

— Ух...

Я зарылась глубже под одеяло, крепко прижимая ладонь ко лбу, который раскалывался от боли. Хозяйский пес снова лаял без перерыва — вот я и проснулась.

— Какой же бредовый сон...

Я почти ничего не помнила. Пожалуй, под собачий лай только такое и снится. Сосед из дома напротив уже надрывался: «Да заткните вы этого пса!» Я мысленно поддержала его.

Шесть утра.

Грязная полуподвальная комнатуха.

И я открываю глаза под собачий лай.

Все намекало на то, что сегодня понедельник.

— Ах... хочу уволиться.

Я взглянула на телефон у изголовья и, глубоко вздохнув, поплелась в ванную. Пока на автопилоте чистила зубы, вдруг понемногу стала вспоминать сон.

Там была девушка. Пусть со спутанными волосами и испачканным лицом, но все равно поразительно красивая. Ни одна актриса ей в подметки не годится.

Волосы невозможного ярко-алого оттенка. Огромные ясные глаза цвета свежей травы. Она будто и не была похожа на человека. Скорее, на розу, превратившуюся в женщину. Исключительная, завораживающая красота.

Я не знаю, что именно случилось, но вид ее, горько плачущей, откликнулся в моей душе.

Господи, ну и подонки! Как вообще можно причинять боль такой прекрасной девушке? Будь я рядом, то вытерла бы ее слезы и, прикинувшись итальянцем, прошептала: «О, сеньора... вы не должны плакать, ведь ваши слезы словно драгоценные жемчужины».

Кажется, во сне были и другие люди, но я их не запомнила. Ничьих реплик в голове не осталось. Я даже забыла, почему этой красавице было суждено умереть.

Все, что отпечталось в памяти, — это прекрасное женское лицо. Или скорее девичье. На вид незнакомке было едва ли больше двадцати.

Ха. Даже во сне я питаю слабость ко всему красивому.

Я понадеялась, что в тот миг она сумела исполнить все, чего жаждала в своем мире. Не знаю, чего именно... но пусть ее желания сбудутся.

Закончив умываться и кое-как сделав макияж, я отправилась на работу. И вскоре сон окончательно стерся из памяти. В обычной усталости не находилось места таким пустякам.

Но тогда я даже представить не могла, что меня ждет в будущем...